

УДК 94(48).052“1699/1701”
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-45-56

«Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 годах

Т. А. Базарова

*Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена проблеме учреждения постоянного дипломатического представительства Петра I при Высочайшей Порте. По инициативе посланника Е. И. Украинцева в Константинопольский договор (1700 г.) добавили статью, по которой царь получил возможность отправить посла на постоянную резиденцию в Стамбул. После отъезда посланника в османской столице остались не имевшие дипломатического ранга служители Посольского приказа переводчик С. Ф. Лаврецкий, подьячий Г. Юдин и толмач Д. Петров. На основе анализа архивных документов установлено, что их деятельность в Стамбуле во многом соответствовала функциями посольского секретаря.

Ключевые слова

русско-турецкие отношения, Петр I, Стамбул, Константинопольский мир, дипломатическое представительство

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00721

Для цитирования

Базарова Т. А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 45–56. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-45-56

“Do not Intervene in Anything”: Russian Representatives in Istanbul (1700–1701)

T. A. Bazarova

*Saint Petersburg Institute of History RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the problem of establishing a permanent diplomatic mission of Peter I in the Sublime Porte. At the initiative of the envoy E. I. Ukraintsev, an article, enabling the tsar to send an ambassador for a permanent residence in Istanbul, was included in the Treaty of Constantinople (1700). After the envoy's departure, only the Non-diplomatic ministers of the Ambassadorial *prikaz* (chancellery), namely translator S. F. Lavretsky, *podyachy* (clerk) Gr. Yudin (died in December 1700) and interpreter D. Petrov, stayed in the Ottoman capital. Translator S. Lavretsky became the head of the Russian diplomatic mission. In 1701, a messenger M. Larionov arrived in Istanbul with the tsar's charter. According to it translator and *podyachy* had to stay in Istanbul until the arrival of the plenipotentiary ambassador with ratification. On the basis of the archival documents stored in the RGADA (Moscow), the author analyzes the activities of diplomatic missions in 1700–1701. The main task of the translator and the ambassador was to inform the Russian government about the political situation in the Ottoman Empire. Peter I sent the main forces of his state to the war with the Swedes, so he needed peace on the southern borders. The translator and *podyachy* maintained

© Т. А. Базарова, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 8: History

contact with ministers of the Sublime Porte, the Jerusalem Patriarch, agents, etc. They also monitored the preparation of the Sublime Porte for the arrival of the Russian plenipotentiary ambassador. Information collected from various sources regarding the situation in Istanbul, Crimea and other parts of the Ottoman Empire, as well as Western Europe, they sent to the Ambassadorial *prikaz*. The activities of Russian diplomats in 1700–1701 largely corresponded to the functions of the ambassadorial secretary (charge d'affaires).

Keywords

Russian-Turkish relations, Peter I, Istanbul, Constantinople, diplomatic mission

Acknowledgements

The study was carried out with the support of RFBR, project number 18-09-00721

For citation

Bazarova T. A. "Do not Intervene in Anything": Russian Representatives in Istanbul (1700–1701). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, p. 45–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-45-56

В начале XVIII в. Посольский приказ обладал значительным опытом дипломатических контактов с Османской империей. В XV–XVII вв. в Стамбуле с различными поручениями побывало несколько десятков русских посольств и гонцов. Для выполнения дипломатических поручений послам доводилось задерживаться в турецкой столице на несколько месяцев или даже лет. С ответными визитами Москву посещали послы и гонцы из Османской империи. Однако дипломатические связи между двумя государствами не были регулярными. Случалось, что разрывы в обмене миссиями составляли несколько десятков лет [Теплов, 1891. С. 1–8; Смирнов, 1946; Петросян, 1998. С. 104–112; Фаизов, 2007]. Развитию русско-турецких отношений мешало отсутствие общей границы и слабость взаимных торговых интересов. Гораздо чаще Москва отправляла послов в вассальное турецкому султану Крымское ханство, что было связано и с попытками заключить договор, и с военными конфликтами, и с выплатой поминок. В петровскую эпоху ситуация существенно изменилась. После окончания русско-турецкой войны (1686–1700) царь намеревался оставить в прошлом выплату крымцам поминок и развивать дипломатические контакты напрямую с Высокой Портой.

Первыми петровскими дипломатами в Стамбуле стали чрезвычайный и полномочный посланник думный дьяк Е. И. Украинцев и дьяк И. П. Чередеев. В сентябре 1699 г. они прибыли на берега Босфора на русском корабле «Крепость». Главная цель их посольства состояла в подписании мирного договора или длительного перемирия. Петр I готовился начать войну со шведами и с нетерпением ожидал обнадеживающих вестей из Стамбула. Однако переговоры посланников с османскими министрами затянулись почти на десять месяцев. Договор о мире сроком на тридцать лет был заключен 3 июля 1700 г. [ПСЗ, 1830. № 1804. С. 66–72; ПБП, 1887. № 318. С. 368–378].

Константинопольский договор обозначил новый этап развития русско-турецких отношений и вывел российские дела из прерогативы крымских ханов. Одним из свидетельств нового значения Османской империи во внешней политике России стало учреждение постоянного представительства при Высокой Порте. Судя по инструкции, которую в 1699 г. получил Е. И. Украинцев, царь при отправке чрезвычайного посланника не рассматривал такую возможность. Уже в османской столице общение с представителями Высокой Порты и западноевропейского дипломатического корпуса подвели посланника к мысли о необходимости пребывания при Высокой Порте и русского резидента.

По наблюдению М. М. Богословского, впервые речь об этом зашла на встрече Е. И. Украинцева с великим драгоманом Александром Маврокордато¹, которая состоялась 2 мая 1700 г. [Богословский, 2007. С. 230]. В тот день обсуждалась процедура подписания, перевода и обмена текстами мирного договора. Посланники предложили османским министрам после заключения мира оставить «в запас» (поскольку не имели на это царского указа) в Стамбуле

¹ Фанариот А. Маврокордато (Маврокордат) (1641–1709) с 1673 г. являлся одним из руководителей внешней политики Османской империи. В русских донесениях его должность называют «государственный секретарь» (рейс-эфенди – «государственный канцлер»).

русского резидента. А. Маврокордато усмотрел в этом взаимную выгоду двух государств: «когда прилучатца какие порубежные ссоры, и те всякие ссоры могут успокоиваться и от-правляться чрез того резидента. А для малых дел присылать нарочное посольство на обе стороны напрасный убыток будет» [Богословский, 2007. С. 168, 230]. Последствием беседы стало добавление в текст Константинопольского договора тринадцатого пункта, который гарантировал русскому представителю свободы и привилегии равные с другими европейскими дипломатами. Статья мирного трактата гласила: «Для творения и подвигения на дан-ных делах, *буде когда надобно будет* (курсив наш. – Т. Б.) резиденту царского величества у Блистательной Порты пожить, он и толмачи его свободами и привилегиями да почтутся, какими и иных друзей Блистательной Порты принцыпов резиденты почитаны быть обыкли, и во время мира людям его с письмами туда и сюда переезжающими, проезжая да дастся и честное всякое вспоможение да творится» [ПСЗ, 1830. № 1804. С. 71].

На встрече, состоявшейся 29 мая 1700 г., А. Маврокордато передал Е. И. Украинцеву по-желание Высокой Порты до прибытия с ратификационной грамотой великого посла оставить в Стамбуле дьяка И. П. Чередеева [Богословский, 2007. С. 230–231, 248–249]. Возможно, ос-манское правительство побудило выдвинуть данное предложение беспокойная ситуация в Европе, где северные союзники начали войну против шведского короля Карла XII. В фев-рале польско-саксонские войска вторглись в Лифляндию и осадили Ригу, а в марте датские войска пересекли границу Голштинии. В конце апреля 1700 г. в османской столице появи-лись слухи, что Петр I тоже воюет со Швецией и готовится к штурму Нарвы. По мнению А. Маврокордато, в связи с военными действиями на севере Европы царь будет заинтересо-ван в получении регулярных сообщений из османской столицы. Драгоман пообещал отно-ситься к И. П. Чередееву как к чрезвычайному посланнику, а не резиденту, и предоставить двор и кормовые выплаты, соответствующие такому статусу. Тем не менее, 31 мая Е. И. Ук-раинцев объявил А. Маврокордато, что без особого указа государя И. П. Чередеев не может задержаться в Стамбуле. Однако «для общего добра» двух держав посланник согласился на пребывание в османской столице секретаря и переводчика [Там же. С. 231].

Второго августа 1700 г., после отпусковых аудиенций у великого везира и султана, Е. И. Укра-инцев и И. П. Чередеев отправились в обратный путь. Они везли в Москву султанскую грамоту и подлинный экземпляр договора [Там же. С. 309, 312]. В Стамбуле остались пере-водчик польского и латинского языков Семен Федорович Лаврецкий и подьячий Григорий Юдин, а также толмач Дмитрий Петров². Главой миссии Е. И. Украинцев назначил С. Ф. Лаврецкого. Подьячему и толмачу предписывалось быть послушным переводчику и «противности ни в чем никакой не чинить»³. Срок их пребывания в османской столице зависел от прибытия чрезвычайного полномочного (великого) посла с ратификацией мирно-го договора. Согласно его последней статье, царскую грамоту в Стамбул следовало доста-вить не позднее чем через полгода после отъезда оттуда Е. И. Украинцева [Там же. С. 231]. После вручения ратификации султану, получения ответной грамоты и отпусковой аудиенции переводчик и подьячий должны были покинуть Османскую империю вместе с послом и его людьми.

В научной литературе, посвященной русско-турецким отношениям петровского времени, сложно найти даже отрывочные сведения о деятельности этой небольшой русской диплома-тической миссии в Стамбуле. М.М. Богословский о ней лишь кратко упоминает [Там же. С. 283–284, 307–308]. Между тем, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде 89 (Сношения России с Турцией) отложился комплекс документов, ка-сающихся пребывания С. Ф. Лаврецкого и других служителей Посольского приказа в Стам-буле в 1700–1701 гг. Прежде всего, это отправленные из османской столицы донесения и «особые записки», а также статейный список, которые отражают не только различные ас-

² В Стамбуле также оставили «белорусца львовского жителя» Александра Белинского для обучения арабскому и турецкому языкам (РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 27. Л. 1254 об.).

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1254.

пекты деятельности дипломатов, но и содержат ценнейшие сведения о повседневной жизни в Стамбуле в начале XVIII в.

Поскольку С. Ф. Лаврецкий и Г. Юдин остались в турецкой столице по просьбе Высокой Порты, то она взяла на себя содержание переводчика, подьячего и их людей. С. Ф. Лаврецкий и Г. Юдин покинули двор, который прежде занимали вместе с посланником, и перебрались на более скромный в другой части Стамбула. По согласованию с А. Маврокордато им предоставили дом на Фонарской улице: в районе, где проживали греки и имел свою резиденцию великий драгоман. Высокая Порта стала выплачивать С. Лаврецкому и Г. Юдину денежное содержание в размере 6 левков в день (в ноябре его увеличили до 10) ⁴.

В свои записки в Посольский приказ С. Ф. Лаврецкий начинал с упоминания о поручении чрезвычайного посланника «проведывать о здешнем поведении», докладывать «о поведении в турецком государстве» ⁵. В своем статейном списке Е. И. Украинцева изложил наказ, который он дал перед отъездом переводчику и подьячему. Им надлежало «поступать со всякой осторожностью и жить с великим бережением и учтивостию. А посланником, и резидентом, и агентом, и консулом себя не именовать и ни в какие дела не вступатца» ⁶. С. Ф. Лаврецкому и Г. Юдину также запрещалось посещать османских министров или их служителей, передавать или принимать письма, а также общаться с западноевропейскими дипломатами ⁷. Как отметил М. М. Богословский, «этими предписаниями деятельность Лаврецкого и Юдина была совершенно парализована». Им следовало лишь собирать информацию и пересылать отписки в Посольский приказ через иерусалимского патриарха Досифея [Богословский, 2007. С. 308]. Однако с выводом М. М. Богословского нельзя согласиться. Отсутствие аккредитации и дипломатического ранга давало переводчику и подьячему важное преимущество — ослабление контроля со стороны Высокой Порты и свободу передвижения по османской столице (а, следовательно, и общения с агентами и «приятелями»). Позднее, в 1713 г. чрезвычайный и полномочный посол вице-канцлер П. П. Шафиров с этой целью также будет стремиться оставить в Стамбуле после своего отъезда кого-нибудь в качестве резидента или корреспондента [Базарова, 2016. С. 136].

Зимой 1700 г. подьячий Г. Юдин тяжело заболел. С. Ф. Лаврецкий доложил в Москву, что 23 декабря тот «пал в немочь» и через три дня скончался. Сам переводчик с толмачом Д. Петровым и остальными людьми был вынужден переселиться на другой двор из-за опасения заразной болезни и начала эпидемии ⁸. Однако С. Ф. Лаврецкий недолго оставался в османской столице без «товарища».

В Москве не успевали снарядить посольство в предписанный договором шестимесячный срок ⁹. Для того чтобы у Высокой Порты не возникло подозрений, Посольский приказ с грамотой о скором прибытии великого посла отправил гонцом к турецкому султану Михаила Родионовича Ларионова. Старый подьячий Посольского приказа имел значительный опыт европейских поездок: он побывал с дипломатическими поручениями в Англии, Голландии, Пруссии и Флоренции (1687–1688), а также был среди участников Великого посольства (1697–1698) [Серов, 2008. С. 53]. 11 декабря 1700 г. М. Р. Ларионов выехал из Москвы ¹⁰ и через два месяца, 6 февраля 1701 г., прибыл в Стамбул.

Согласно полученному указу, подьячему надлежало доставить в Стамбул царские грамоты и затем дожидаться приезда посла. В статейном списке М. Р. Ларионова содержится под-

⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 27 об.

⁵ Там же. Л. 1, 27.

⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1253.

⁷ Там же. Л. 1253 – 1253 об.

⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 4.

⁹ С. Лаврецкий сообщил М. Ларионову, что «о прошедшем шестимесячном сроке неприбытия в Царьгород великого посольства, и что он, гонец, на тот срок не поспел, не токмо меж народом, но и у великих и у знатных людей переговору никакого ни от кого отнюдь не бывало и не слышно» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 38 об.).

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 3.

робное описание дороги в османскую столицу, церемоний въезда и вручения царских грамот. Девятнадцатого января 1701 г., спустя месяц пути, подьячий добрался до расположенного за Дунаем пограничного местечка Мачине (Мечине). Там он получил сопровождающего – пристава Исмаила-агу, с которым поехал в Стамбул¹¹. В османской столице подьячего встречали с почетом как важного гонца от дружественного монарха. Шестого февраля в двух часах езды до города к нему присоединились три чауша и четыре янычара. М. Р. Ларионов въехал в Стамбул на лошади, которую ему прислал А. Маврокордато (по посольскому обычаю гонцам лошадь от султана не положена) и был поставлен на дворе, где прежде жил Е. И. Украинцев («в полате, которая Михайлу отведена, посланы четыре ковра турецких да у стен положены четыре подушки триповые з золотом»)¹². Статус царского гонца Порты признала более высоким, чем у переводчика С. Ф. Лаврецкого, что отразилось и на денежном содержании. М. Р. Ларионову Высокая Порты назначила корм по 15 левков в день¹³.

Руководство Посольского приказа не возложило на М. Р. Ларионова единоличное руководство дипломатической миссией. В Стамбуле он передал С. Ф. Лаврецкому распоряжение из Москвы: «чтоб он, Семен... о всяком тамошнем поведении и о чем случится ево спросить, ему объявил. И в делех великого государя с ним поступал, и о ведомостях к нему, великому государю, писал обще»¹⁴. Выполняя наказ, С. Ф. Лаврецкий ввел подьячего в суть дел, объяснил политическую ситуацию, а также особенности местного дипломатического обычая. Седьмого февраля, на следующий день после въезда в османскую столицу, М. Р. Ларионов послал приехавшего с ним толмача татарского языка Афанасия Постригачева к А. Маврокордато с официальным сообщением о прибытии царского гонца¹⁵. Некоторое время заняло согласование порядка передачи грамот. Вначале М. Ларионов и С. Лаврецкий побывали на приеме у рейс-эфенди. Царский гонец намеревался лично вручить грамоту турецкому султану. Однако османы настояли на передаче ее согласно устоявшемуся обычаю через великого везира. Предварительно рейс-эфенди сверился «...в канцелярии з записными книгами прежних поведений»¹⁶. Двадцать второго февраля Михаил Ларионов был на аудиенции у великого везира, а 25 февраля – у султана.

После официальных аудиенций переводчик и посланник стали согласно полученному наказу действовать «обще». Они оба подписывали донесения в Посольский приказ и вели единый статейный список. Отписки с отчетами русские представители отправляли в Москву нерегулярно, поскольку были вынуждены дожидаться надежной оказии. С. Ф. Лаврецкий сетовал: «отсель никакая почта не отпускается и не ходит ни туды, ни сюды»¹⁷. По-видимому, первую «особую записку» переводчик (еще вместе с Г. Юдиным) отослал в Посольский приказ 3 октября 1700 г. Ее доставку они возложили на отбывавшего в Москву архимандрита Хрисанфа (племянника патриарха Досифея). В дальнейшем, согласно наказу, С. Ф. Лаврецкий передавал письма патриарху, и тот переправлял их в Москву. Также переводчик поручил доставить несколько посланий греческим торговым людям. Сложно сказать, все ли донесения доходили до Посольского приказа. В мае 1701 г. уже в Адрианополе С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов узнали, что патриарх Досифей «убоялся» и не переслал их письма послу Д. М. Голицыну, и потребовали вернуть свои недоставленные послания¹⁸.

Из-за того, что пакеты из Москвы приходили в Стамбул нерегулярно и с большой задержкой, русские представители были плохо осведомлены о событиях в России. Например, первые известия о поражении русской армии под Нарвой в османскую столицу поступили из Западной Европы. С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов поначалу отнеслись к слухам с недове-

¹¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 26 – 27 об.

¹² Там же. Л. 35 об.

¹³ Там же. Д. 2. Л. 12; Д. 4. Л. 44.

¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 11 об.; Д. 4. Л. 44 об.

¹⁶ Там же. Д. 4. Л. 52.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Д. 4. Л. 131 – 131 об.

рием. Двадцать шестого февраля 1701 г. польский шляхтич Александр Былинский сообщил им о разгроме царского войска и в подтверждение своих слов прочитал печатный лист курантов¹⁹. В ответ М. Р. Ларионов «против ведомостей о московских войсках ему, Александру, сказал, что курантам верить нечего, потому что в них является много лжи и печатают их в немецких странах, а имянно в самой свейской земле, в городе Риге. А болше в тех курантах они, немцы, износят то, чтоб было их немецкому народу к похвале, а иным ко уничижению. И он, Михайло тем вестям не верит», потому что поехал из Москвы «гораздо спустя», а вестей о поражении от шведов не было²⁰. Через два дня неутешительные сведения, полученные от французских купцов, о поражении русской армии под Нарвой сообщил русским дипломатам С. Л. Владиславич-Рагузинский, который также зачитал «печатные авизы»²¹. В конце концов С. Ф. Лаврецкому и М. Р. Ларионову пришлось поверить плохим вестям: 11 марта весть о поражении царя под Нарвой доставили от иерусалимского патриарха²². Тем не менее, в апреле 1701 г., не имея достоверных известий из Москвы, С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов отказались отвечать на прямой вопрос рейс-эфенди о «поведении воинском с шведы»: официальных сообщений не приходило, а слухи они не желали обсуждать²³.

В Стамбуле С. Ф. Лаврецкий (сначала вместе с Г. Юдиным, а затем с М. Р. Ларионовым) стремился наиболее полно выполнить свое главное поручение – информировать Посольский приказ о самых важных событиях («будучи здесь... проводывать о здешнем поведении и, проведая, о том к тебе, великому государю, к Москве писать»)²⁴. Сведения о событиях в Османской империи и в Западной Европе он получал от разных лиц. Перед отправкой корреспонденции в Москву сообщения по возможности проверялись по другим источникам. С. Ф. Лаврецкий встречался и беседовал с османскими министрами. Информацией официального характера, непосредственно касавшейся русско-турецких отношений, с переводчиком делился А. Маврокордато. Семен Лаврецкий один (или вместе с подьячим) посещал двор великого драгомана и подолгу с ним беседовал. Например, третьего сентября 1700 г. переводчик и подьячий постарались узнать у А. Маврокордато, были ли посланы султанские указы «в порубежные места» о сохранении мира и запрете набегов на русские земли. Также их интересовали сведения об отпускных аудиенциях цесарского и венецианского послов²⁵. Весной 1701 г. С. Ф. Лаврецкий расспрашивал А. Маврокордато и рейс-эфенди Рами Мехмеда-пашу о возвращении чрезвычайного посланника в Россию и местонахождении великого посла²⁶.

Другим важным источником информации (как и в бытность в Стамбуле Е. И. Украинцева) оставался иерусалимский патриарх Досифей. В отправленных с берегов Босфора в Посольский приказ донесениях не упоминаются личные встречи С. Лаврецкого с патриархом. Общение велось через пересылку: или переводчик посылал к Досифею толмача, или кто-либо приходил с патриаршего двора.

На русский двор высокопоставленные персоны (европейские дипломаты или османские чиновники) не заходили. Лишь раз С. Ф. Лаврецкого посетил капыджи-баша Магмет-ага. Он был приставом у русских посланников и получил назначение состоять и при полномочном поселе. Магмет-агу интересовало, когда великий посол прибудет в земли Османской империи. Помимо «ближних людей» Досифея на русском дворе часто бывал «венецианин» С. Л. Вла-

¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 85 об. – 86.

²⁰ Там же. Л. 88 – 88 об.

²¹ Там же. Л. 89 об. – 90.

²² Там же. Л. 102 об. С. Л. Владиславич-Рагузинский намеревался отправить в Азов торговый корабль с кофе, пшеном и другими товарами (Там же. Л. 92 об.). Русские дипломаты донесли об этом в Посольский приказ.

²³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 126 об. – 127. Шестого мая они получили письмо от Д. М. Голицына, в котором сообщалось о победе над шведами под Псково-Печерским монастырем (Там же. Л. 130 об.). В действительности победа состояла в том, что русским полкам удалось выдержать осаду монастыря: у шведов не было тяжелой артиллерии.

²⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 4. Л. 101 об., 125 об. – 126.

диславич-Рагузинский, приносили письма греческие торговцы. Например, 1 ноября 1700 г. переводчика и подьячего посетил доктор Антоний Кара, сообщивший о «смятении» в Крыму и прибытии в Стамбул татарской делегации просить султана «на ханство некакова прежде бывшего хана, которой сослан на Белое море в Кипрский остров»²⁷. Тридцатого января 1701 г. «из новой слободы, что за Галатою» на посольский двор пришел «гречанин» Иван Алексеев и принес письмо Е. И. Украинцева, переданное ему в Нежине²⁸. Однако, как правило, С. Ф. Лаврецкий или толмач Дмитрий Петров беседовали с информаторами вне посольского двора. В «особых записках» упоминаются бенедиктинец ксендз Бернади (сообщил о подготовке войны за испанское наследство)²⁹, «ближний человек» патриарха Досифея Енакий (рассказал о ссорах французского посла с османами)³⁰, рагузинец Лука Баркастарший и др. Также по приказу Семена Лаврецкого Дмитрий Петров не раз «для проведения» ходил на везирский двор.

Таким образом, в своих донесениях в Посольский приказ С. Ф. Лаврецкий не только не скрывал, но и детально описывал встречи с османскими чинами и иностранцами. Можно предположить, что полученный им запрет касался только обсуждения вопросов, имевших отношение к государственной политике. По-видимому, осторожный Е. И. Украинцев включил в свой статейный список несколько подкорректированный текст наказа, чтобы в случае ошибки переводчика снять с себя ответственность.

В первую очередь русские представители стремились получить информацию о военном потенциале Османской империи и о военных приготовлениях³¹. В конце ноября 1700 г. тревожные сведения принес С. Л. Владиславич-Рагузинский. По его словам, османы начали «великое приуготовление» к новому походу, «льют вновь пушки, и старые чистят, и починивают карабли старые». Рагузинец предположил: Порты готовят флот к нападению на Морею, но предостерег: «только турки народ луковой, надобно опасаться, чтоб никого иного не пошли»³². Однако в докладе в Посольский приказ С. Ф. Лаврецкий выразил мнение, что поход будет против венециан, с которыми у турок обострились земельные споры. За дополнительной информацией он отправил толмача к иерусалимскому патриарху, который также посчитал, что османский флот готовят для захвата Мореи³³.

Тридцать первого января 1700 г. на двор к С. Ф. Лаврецкому пришел «невольник», бывший казанский стрелец Никитка и сообщил, что на верфи Терсане чинят корабли и новые строят. По слухам, османы хотят идти под Керчь, там нагрузить камнями и загородить корабельный проход в керченское гирло³⁴. Писал переводчик и о возможности нападения османского флота и армии на Морею (пока великие державы будут заняты в войне за Испанское наследство)³⁵. Он также передал в Москву известия о событиях в отдаленных частях Османской империи: о взятии турецкой армией Вавилона³⁶, а также об осаде арабами Багдада и неспособности присланного туда войска подавить восстание³⁷.

²⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 27. Эти известия впоследствии не подтвердились. В 1699 г. буджакских ногайцы взбунтовались против Бахчисарая. Во главе бунтовщиков встал брат крымского хана Девлет-Гирея II (1699–1702) нураддин Гази-Гирей. Сведения о столкновении буджакских нагайцев с татарами переводчик с подьячим получали и из других источников.

²⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 2 об. – 3. До принятия православия С. Ф. Лаврецкий, поляк по национальности, был монахом ордена св. Доминика.

³⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 24 – 24 об.

³¹ В 1702 г. задание вести сбор сведений о состоянии финансов, армии и флота Османского государства получил П. А. Толстой.

³² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 28.

³³ Там же. Л. 28 – 28 об.

³⁴ Там же. Л. 31 – 31 об.

³⁵ Там же. Д. 4. Л. 97 об.

³⁶ Там же. Д. 2. Л. 56 об.

³⁷ Там же. Д. 4. Л. 99.

В Посольский приказ отсылали сведения о переменах в правительстве Османской империи и вассальных государствах. Четырнадцатого октября султан сменил кизляр-агу («начальной человек у всех арапов», т. е. главу евнухов) и забрал у него в казну «множество денег»³⁸. Передали в Москву и полученную из разных источников информацию о неспокойной ситуации в Крыму и о смене османами хана. С. Ф. Лаврецкий написал в Москву, что 4 сентября новым волоским (молдавским) господарем был назначен Константин Дука. Пятнадцатого октября новый господарь на отпускной аудиенции у султана был с 12 боярами, получил соболью шубу и булаву и 30 октября покинул Стамбул³⁹.

По отъезде в Москву Е. И. Украинцева с грамотой о перемирии в Стамбуле еще оставались цесарский и венецианский послы. Император направил своего посла для ратификации Карловицкого договора. Венецианские дипломаты (как и российские) в Карловицах договорились о перемирии, и дальнейшие мирные переговоры проходили в османской столице. Согласно полученному наказу, С. Ф. Лаврецкий отправлял в Москву известия и о ходе переговоров, и о дипломатических церемониях. Полученные от А. Маврокордато и патриарха Досифея сведения он дополнял и личными наблюдениями. Десятого сентября 1700 г. С. Ф. Лаврецкий и Г. Юдин вместе с жителями Стамбула стали свидетелями отъезда с берегов Босфора доставившего ратификацию мирного договора цесарского посла. В донесении в Посольский приказ переводчик отметил: «А как он, посол, ехал от салтана до своего посольского двора, и перед ним вез секретарь ево посольской на обеих руках салтанскую грамоту в материи участиковой серебряной травы, пеней золотые высокие»⁴⁰. В апреле 1701 г. С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов сообщили, что переговоры венецианского посла с османами, которые не раз из-за взаимных претензий грозили сорваться, совершились заключением перемирия сроком на двадцать лет. Шестого апреля «по розмене писем... была на радости стрельба многая ис пушек»⁴¹.

С. Ф. Лаврецкий и Г. Юдин также сообщили о прибытии 26 октября с Белого моря турецкой эскадры из двенадцати кораблей (на следующий день пришли еще двадцать четыре галеры)⁴². Переводчик и подьячий присутствовали на празднике, устроенном в честь возвращения османского флота из похода, и отразили в отчете свои впечатления: «...музыка турецкая играла зело согласно и умиленно слышательно, и тогда же метались два человека по канатам...»⁴³. В тот день султан принял и наградил капитан-пашу в своем прибрежном дворце. Затем мимо дворца сначала проследовала галера капитан-паши, а затем прошли строем остальные суда – корабли по два, а галеры по три. Во время морского парада стреляли из пушек с кораблей и каторг, «и было той стрельбы часа с четыре». Многочисленные местные жители наблюдали за судами с пристаней и мелких судов⁴⁴.

В конце XVII – начале XVIII в. в османской столице было неспокойно. Реформы, которые проводил великий везир Хусейн-паша, должны были привести к росту доходов султанской казны, значительно оскудевшей в годы войны со Священной лигой (1683–1699). Однако сокращение расходов на армию и увеличение налогов на горожан и ремесленников вызывали в народе недовольство и грозили беспорядками [Орешкова, 1971. С. 42–43]. Против великого везира Хусейн-паши выступала и придворная группировка, которую возглавлял великий муфтий.

Русские дипломаты стали свидетелями волнений и роста недовольства политикой султана и великого везира среди горожан и янычар. Султан Мустафа II опасался находиться в Стамбуле и большую часть года проводил в окрестных селениях. На короткое время, когда без его

³⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 25 об.

³⁹ Там же. Л. 25 об., 26 об.

⁴⁰ Там же. Д. 4. Л. 2 об.

⁴¹ Там же. Д. 2. Л. 60.

⁴² Там же. Л. 26.

⁴³ Там же. Л. 26 об.

⁴⁴ Там же.

присутствия правительство не могло обойтись, султан возвращался в свой дворец. М. Ларионов упоминал, что «за страхом от янычан всю осень салтан в Царегороде не жил»⁴⁵. Тема народного недовольства верхами Османской империи и угрозы бунта не раз появлялась в отправляемых в Москву отчетах. С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов докладывали, что 9 марта 1701 г. «в Царегороде... турки всенародно вопили на салтана», что полякам без боя отдал Каменец и Буджацкую землю гяурам-полякам очищает⁴⁶. Двенадцатого марта толмач Дмитрий Петров сообщил переводчику и подьячему, что на дворе великого везира обнаружили «письмо подкидное турецкое», с угрозами в случае, если тот вслед за султаном покинет Стамбул⁴⁷.

Семен Лаврецкий дважды сообщал в Москву о внезапном повреждении известнейшего античного памятника – Змеиной колонны, которое жители Стамбула расценивали как недоброе предзнаменование. Сначала переводчик написал кратко: «Столп троеглавы змиинья, который был медный и стоял яко предивная вещь и чудо некое меж двух иных столпов посреди коннорыстания, или торжаша цариграцкого, внезапно без всякого ветренного погоды ламался посреди попалам вечаемо. И чают, что не без знака то учинилось»⁴⁸. В следующем донесении переводчик рассказал о происшествии подробнее: «В Цареграде на большой площади против болшой мечети Магмет салтана, недалече от Софии меж двумя высокими 25 каменными столпами строения древняго еще царя Феодосия Великого поставленный медный витой столп о трех медных змиинных главах, которой все християне государства ставят турком в знамя его турецкое и называют Керестом, изволением божием без всякой бури и ветру в самой тихой солнечной день после вечерни часа за три до ночи против 10-го числа октября месяца переломился. Главы все три на землю упали, а столпа того еще осталось вышины близ дву человек. И донныне стоит без голов не починен. И турки люди старые и чину высокого законоположники, и муфтии, и шихи, се есть учителя их искусные великое то имеют предугодателство будущаго своего падения или государству всему, или государю их»⁴⁹. В таком же контексте (как предзнаменование грядущих потрясений) рассматривалось и землетрясение, состоявшееся ночью 20 декабря⁵⁰.

Наконец, в конце февраля в дни Байрама у мечети некий «ворожей» предсказал султану, что его хотят свергнуть и возвести на престол младшего брата или племянника. Если же султан хочет сохранить свою жизнь, то должен на пять месяцев оставить Стамбул⁵¹. Это предсказание побудило Мустафу II спешно покинуть столицу. Сначала он выехал в загородное селение, а 15 марта со всем двором и служивыми людьми отправился в Эдирне, указав через месяц ехать туда и великому везиру⁵².

Фиксировавшими, казалось бы, малозначительные детали русскими дипломатами руководили не любопытство или праздный интерес. Смена султана и правительства, благожелательно настроенных к России, могла повлиять на судьбу ратификации мирного договора. Занятый войной со шведами Петр I остро нуждался в мире на южных границах своей державы. Сведения о приеме и отпуске европейских посольств особую важность приобретали в связи со скорым прибытием из Москвы чрезвычайного и полномочного посла. Русские дипломаты настаивали (дабы не уронить чести своего государя), что встреча, прием и отпуск царского

⁴⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 82.

⁴⁶ Там же. Л. 100.

⁴⁷ Там же. Д. 2. Л. 39; Д. 4. Л. 103 об.

⁴⁸ Там же. Д. 2. Л. 4 об. Речь идет о знаменитой Змеиной колонне на площади Ипподром, остатки которой являются одной из самых известных достопримечательностей современного нам Стамбула. Колонну привезли из дельфийского святилища Аполлона в 326 г. по приказу императора Константина Великого. Она символизировала победу греков над персами при Платеях (479 г. до н. э.). Колонна была высотой 6,5 м, состояла из трех переплетенных змей. Первоначально она была увенчана трехногой золотой чашей, утраченной еще в античности. Колонна стоит между двух каменных обелисков – Феодосия и Константина.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 24 об. – 25.

⁵⁰ Там же. Л. 29 об.

⁵¹ Там же. Д. 4. Л. 94 об.

⁵² Там же. Л. 95 об.

посла должны проходить с не меньшей торжественностью и почестями, чем у цесарского посла, прибывшего к Порте с такой же целью – для ратификации мира. С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов неоднократно затрагивали эти вопросы на встречах с османскими министрами. Первого марта 1701 г. будучи на приеме у рейс-эфенди они постарались узнать, как будет организована встреча и какой именно двор османы предназначили царскому послу. С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов намеревались заранее посетить этот двор, чтобы определить, пристойно ли государеву послу на нем остановиться или нет⁵³.

Двадцатого апреля С. Ф. Лаврецькому и М. Р. Ларионову позволили вслед за османским правительством выехать в Эдирне, куда перенесли и встречу царского посла⁵⁴. В ожидании Д. М. Голицына С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов снова обсуждали с рейс-эфенди и А. Маврокордато церемонию въезда в город и настаивали на том, чтобы она «была учинена по достоинству со всякою честью, как прииманы цесарские послы»⁵⁵. С разрешения Высокой Порты они тщательно осмотрели предназначенный для проживания посла двор. Рейс-эфенди заверял: «Двор-де отведен ему, великому послу, доброй с садом, какова другова в Адрианополе пространством нет, и в месте удобном, и на воздухе добром. А около того двора неподалеку дворяном и иных чинов людям, которые вместится не могут, назначено и отведено будет розных тритцать дворов»⁵⁶. Однако по осмотру оказалось, что он располагался в переулке и многое строение обветшало. Впрочем, рейс-эфенди пообещал до прибытия посла исправить все недоделки⁵⁷, а А. Маврокордато – выделить для посольских дворян еще шесть соседних зданий⁵⁸. Четырнадцатого мая С. Лаврецкий и М. Ларионов выехали навстречу послу Д. М. Голицыну⁵⁹.

С прибытием чрезвычайного и полномочного посла миссия С. Ф. Лаврецкого и М. Р. Ларионова утратила самостоятельный характер. Согласно полученному из Москвы указу, они перешли в подчинение Д. М. Голицына, выполняли его поручения и после отпускной аудиенции, в сентябре 1701 г. выехали на родину⁶⁰.

По завершении миссии Д. М. Голицына в Москве началась подготовка отправки посла на постоянную резиденцию. Двадцатого ноября 1701 г. Петр I указал «для своих великого государя государственных дел» послать к турецкому султану стольника Петра Андреевича Толстого (1645–1729)⁶¹. Двадцать девятого августа 1702 г. посол прибыл в Эдирне (Адриано-поль), где находились султан Мустафа II и его правительство. Осенью 1703 г. вслед за двором нового султана Ахмеда III и османскими министрами посол перебрался в Стамбул, где и находился в течение следующих одиннадцати лет.

Итак, в петровскую эпоху окказиональная дипломатия (направление не связанных друг с другом посольств по различным вопросам) постепенно уходила в прошлое. Одно из первых постоянных дипломатических представительств России появилось в Стамбуле. После отъезда Е. И. Украинцева и задолго до отправки царским двором на резиденцию посла с верительными грамотами в течение года в Стамбуле пребывали русские представители. Не имевшие дипломатического ранга С. Ф. Лаврецкий и Г. Юдин (затем М. Р. Ларионов) информировали Посольский приказ о политической ситуации в Османской империи, поддерживали контакты

⁵³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 77–78.

⁵⁴ Они прибыли в Эдирне через неделю, 27 апреля (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 123–123 об.).

⁵⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 4. Л. 133.

⁵⁶ Там же. Л. 126 – 126 об.

⁵⁷ Там же. Л. 129.

⁵⁸ Там же. Л. 132 об.

⁵⁹ Там же. Л. 135.

⁶⁰ Там же. Л. 135 об. По прибытии в Москву их пути разошлись. С. Лаврецкий продолжил службу переводчиком в Посольском приказе. Его знание турецких обычаев пригодилось во время визита Мустафы-паши (1704), доставившего грамоту о восшествии на престол нового султана Ахмеда III. В марте 1706 г. переводчик скончался. М. Р. Ларионов долгие годы продолжал служить в Посольском приказе, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице: в 1702 г. он возглавил второе повытье, в 1714 г. стал секретарем Посольского приказа, а в 1720 г. – ассессором Коллегии иностранных дел [Серов, 2008. С. 53].

⁶¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1.

с представителями османского правительства, иерусалимским патриархом, агентами, «доброжелателями» и др. Выполняемые ими обязанности во многом соответствовали функциям посольского секретаря (временного поверенного в делах).

Список литературы

- Базарова Т. А.** Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.
- Богословский М. М.** Петр I: Материалы для биографии. М.: Центрполиграф, 2007. Т. 5: Посольство Е. И. Украинцева в Константинополь: 1699–1700. 335 с.
- Орешкова С. Ф.** Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М.: Наука, 1971. 205 с.
- Петросян Ю. А.** Русские на берегах Босфора: Исторические очерки. СПб.: Петерб. востоковедение, 1998. 208 с.
- Серов Д. О.** Администрация Петра I. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОГИ, 2008. 291 с.
- Смирнов Н. А.** Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1. 158 с.; Т. 2. 172 с.
- Теплов В. А.** Русские представители в Царьграде в 1496–1891: Исторический очерк. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1891. 73 с.
- Фаизов С. Ф.** Краткая статистика дипломатических миссий в русско-турецких взаимоотношениях XVI–XVII вв. // Фаизхановские чтения. 2007. № 4. URL: http://polpred.dumrf.ru/books/materials/faizhanov/4/hist_faizov.htm? (дата обращения 28.03.2020).

Список источников

- ПБП – Письма и бумага императора Петра Великого. СПб.: Гос. типогр., 1887. Т. 1: 1688–1701. 888 с.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канц., 1830. Т. 4. 890 с.

References

- Bazarova T. A.** Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateinye spiski P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg. (Issledovanie i teksty) [Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateinye spiski of Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712 (Research and Documents)]. St. Petersburg, Istoricheskaya illustratsiya, 2016, 864 p. (in Russ.)
- Bogoslovsky M. M.** Petr I: Materialy dlja biografii [Peter I: Materials for Biography]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007, vol. 5: Posol'stvo E. I. Ukraintseva v Konstantinopol': 1699–1700 [E. I. Ukraintsev's Embassy to Constantinople: 1699–1700], 335 p. (in Russ.)
- Faizov S. F.** Kratkaya statistika diplomaticheskikh missii v russko-turetskikh vzaimootnosheniyakh XVI–XVII vv. [Brief Statistics of Diplomatic Missions of Russian-Turkish Relations in the 16th – 17th Centuries]. In: Faizhanovskie chteniya [Faizanov's Readings], 2007, no. 4. URL: http://polpred.dumrf.ru/books/materials/faizhanov/4/hist_faizov.htm (accessed 28.03.2020). (in Russ.)
- Oreshkova S. F.** Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII v. [Russian-Turkish Relations at the Beginning of the 18th Century] Moscow, Nauka, 1971, 205 p. (in Russ.)
- Petrosyan Yu. A.** Russkie na beregakh Bosfora: Istoricheskie ocherki [Russians on the Bosphorus Shores: Historical Essays]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, 208 p. (in Russ.)
- Serov D. O.** Administratsiya Petra I [The Administration of Peter I]. 2nd ed., rev. Moscow, OGI, 2008, 291 p. (in Russ.)
- Smirnov N. A.** Rossiya i Turtsiya v XVI–XVII vv. [Russia and Turkey in the 16th – 17th Centuries] Moscow, 1946. vol. 1, 158 p.; vol. 2, 172 p. (in Russ.)

Теплов В. А. Russkie predstaviteli v Tsar'grade v 1496–1891: Istoricheskii ocherk [Russian Representatives in Constantinople in 1496–1891: Historical Essay]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, 1891, 73 p. (in Russ.)

List of Sources

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikago. T. 13, vyp. 1 (yanvar' – iyun' 1713 g.) [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1887, vol. 1: 1688–1701, 888 p. (in Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1830, vol. 4, 890 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
29.03.2020

Сведения об авторе

Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая Научно-историческим архивом и Группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
tbazarova@yandex.ru

Information about the Author

Tatyana A. Bazarova – Candidate of Historical Sciences, Head of the Scientific and Historical Archive and the Group of Source Studies, Saint Petersburg Institute of History RAS (St. Petersburg, Russian Federation)
tbazarova@yandex.ru